

Татьяна Воронина

Alexis Peri. *The War Within: Diaries from the Siege of Leningrad*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2017. 337 pp. ISBN 978-0-6749-7155-4.

Татьяна Воронина – кандидат исторических наук, исследователь в Университете Цюриха (Швейцария). Адрес для переписки: Forschungsstelle für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte (FSW), University of Zürich, Rämistrasse 64, 8001 Zürich, Switzerland. tatiana.voronina@hist.uzh.ch.

Волей случая книга Алексис Пери «Война изнутри: Дневники из блокадного Ленинграда» стала известна публике задолго до ее публикации. Тенденциозный взгляд журналиста британской газеты *Guardian* (Alberge 2016), выбравшего для иллюстрации исследования Пери наиболее броские и провоцирующие цитаты из блокадных дневников и весьма одиозно и поверхностно их интерпретировавшего, обернулся для автора монографии незаслуженными обвинениями и скандальной реакцией на еще не опубликованную работу в российских СМИ (см., например: Крылова 2017; Звягинцева 2016). Разразившийся скандал соответствовал «лучшим традициям» Холодной войны: на автора монографии посыпались обвинения со стороны российских политиков и общественных деятелей, книгу хотели запретить в России и сделали символом предвзятого взгляда западной славистики на советскую историю.

В этой истории весьма показателен не столько скандал вокруг непрочитанной книги (это не первый случай в советской и российской практике), сколько тот факт, что «ленинградская тема» в который раз приобрела политический смысл и стала заложницей «медийной дипломатии». Само по себе это свидетельствует не только об инертности мышления международного журналистского сообщества, но и о том, что несмотря на годы исследований, память о блокаде по-прежнему не выходит за рамки простых бинарных оппозиций вроде «героическое vs. трагическое», сводя сложную тему к пустому морализаторству. Тем ироничнее выглядит тот факт, что именно книга Пери, демонстрирующая полный отказ от старых штампов Холодной войны и предлагающая совершенно иной подход к проблематике изучения блокады, вдруг оказалась в эпицентре старого спора.

Основным объектом внимания автора является опыт переживания и осмысления блокады Ленинграда, нашедший отражение в дневниках советских людей, оказавшихся в осажденном городе в период с 1941 по 1944 год. Пери анализирует корпус из 125 дневников, находящихся на хранении в государственных и частных архивах Санкт-Петербурга, большинство из которых никогда ранее не публиковались. Блокадные дневники уже становились предметом исследования историков. Книги лауреата премии «Просветитель» 2014 года Сергея Ярова «Повседневная жизнь блокадного Ленинграда» и «Блокадная этика» (Яров 2011, 2013), пожалуй, впервые за всю историю изучения блокады поставили вопрос о влиянии этого

события на жизнь людей и их понимание происходящего в эти годы. В отличие от исследований Ярова, описавшего на основе дневниковых записей «типичную» блокаду, Пери не пыталась пересказать или суммировать опыт людей. Наоборот, желая вникнуть в логику человека, ведущего дневник, она работала с каждым текстом в отдельности. Ее интересовало то, как автор фиксировал и осмысливал перемены, происходившие в городе и внутри него самого. Поэтому даже если дневник дописывался и многократно редактировался в течение блокады или в послевоенные годы, он не переставал быть ценным для исследования. Наоборот, в таком виде он становился еще более информативным, так как сохранял следы работы автора над текстом и – через него – над собой и своим пониманием произошедшего. Отмечу, что аккуратность и такт Пери в обращении с дневниками заслуживают отдельной похвалы, ее можно ставить в пример исследователям, работающим с личными архивами.

Выстаивая структуру книги, Пери прибегает к метафоре блокадного кольца или острова Лидии Гинзбург (2011). Первая ее часть – «Внутри кольца» – сосредоточена на трех измерениях блокадной идентичности: теле (body), самосознании (self) и семье (family). В этом разделе исследователь знакомит читателей с «внутренней блокадой», то есть с тем, как авторы дневников описывали происходящие с ними перемены в облике, характере, отношениях с близкими. Болезненные трансформации тела, вызванные истощением и дистрофией, становились предметом тщательного наблюдения блокадников. Они удивлялись этим переменам, стыдились их, искали адекватный язык, чтобы объяснить и описать. Изменения, вызванные блокадой, переиначивали многие аспекты их жизни. Менялись не только тела, но и восприятие событий, цвета, звуков, запахов; другими становились представления о скорости, пространстве, календаре. Трансформациям подвергалась сама личность блокадника: тексты их дневников свидетельствуют о том, как под воздействием голода личность распадается и становится множественной, так что в определенный момент авторы начинают писать о себе в третьем лице, демонстрируя тем самым сдвиг в технике саморепрезентации и фиксируя глубочайшую травму от пережитого (глава 3). Таким образом, практика ведения дневника в блокадном городе понимается Пери как работа людей над собой: это и источник знания об их жизни, и метод ее познания.

Вторая часть книги – «Исучающий остров» – объединяет главы, посвященные тому, как авторы дневников понимали и описывали «блокаду внешнюю», с которой сталкивались в своей ежедневной рутине, которую видели со стороны. Пери взяла за основу анализа категории, имеющие отношение к функционированию блокадного общества, его описанию и пониманию блокадниками места этого события в истории страны. Поэтому в этом разделе речь шла об иерархиях, языке и исторических аналогиях. Поднимая вопрос об иерархии внутри блокадного сообщества (глава 5), автор монографии смотрела на социальное неравенство глазами авторов дневников – людей, стоящих в очередях за хлебом, ревностно следящих за раздачей супа в заводской столовой и оценивающих степень истощения людей по их обнаженным телам в общей бане. От их цепкого взгляда не ускользнуло ни появление новой элиты (персонала продуктовых складов, столовых и

ресторанов, имеющих доступ к распределению продовольствия), ни «блокадных жен», обязанных своим относительным благосостоянием покровительству мужчин во власти.

Размышляя о языке описания блокадного опыта, Пери отсылает к проблеме вербализации травмы (Alexander 2004; Сандомирская 2013; Эткинд 2016). С одной стороны, она обращает внимание на то, что люди, писавшие дневник, в той или иной мере искали аналогии с событиями, уже случившимися в прошлом и описанными в литературных произведениях. Неслучайно, произведения Льва Толстого «Война и мир» и «Севастопольские рассказы» были востребованы в блокадном городе (Гинзбург 2011). С другой стороны, Пери отмечает, что нередко язык литературной классики был недостаточно точным для передачи характера блокадных трансформаций. И тогда люди использовали медицинский дискурс, чтобы с его помощью объяснить и описать наблюдаемые в себе и городе перемены. Поэтому «алиментарная дистрофия» и «голодный психоз» вошли в словарный лексикон блокадника столь же естественно, как канцеляризм и аббревиатуры из языка советских газет. Это наблюдение созвучно выводам Ирины Сандомирской о блокадном языке Лидии Гинзбург (Сандомирская 2013) и косвенно свидетельствует об особой роли медицинского дискурса в репрезентации голода в СССР.

Исследование Пери вписывается в исследовательскую программу советской субъективности, сформулированную в работах Игала Халфина и Йохена Хелльбека (Halfin and Hellbeck 1996; Hellbeck 2000). При изучении советских дневников 1930-х годов Хелльбек интересовало, как люди, жившие в первые послереволюционные десятилетия, становились советскими людьми: как они осваивали новый язык, объясняли идеологию, мыслили себя в качестве революционных субъектов? (Хелльбек 2017). Пери, наоборот, имела дело с первым советским поколением, и ее интересовало то, как люди сохраняли свою «советскость» в условиях гуманитарной катастрофы, когда всякая социальная идентичность, казалось, утрачивала смысл. Она пишет: «Книга описывает то, как голод и изоляция разрывали обычную жизнь и повседневность ленинградцев, как люди стремились привести ее в порядок и осмыслить с помощью ключевых концептов, практик и нарративов, сформированных при жизни в СССР» (с. 4). Характерно, что это вынужденно-критическое осмысление происходящего в блокаду делало дневники непригодными для официальной истории событий, они были сложны для пропаганды и, как объясняла Пери, по этой причине не использовались для юбилейных нарративов послевоенного времени. Впрочем, на мой взгляд, дело не столько в дневниках (авторы которых зачастую были весьма лояльны по отношению к властям), но в отсутствии интереса к личным свидетельствам у тех, кто составлял медийную повестку дня в СССР в послевоенное время. В мировой истории XX века, кажется, нет ни одного события, ставшего известным исключительно благодаря рассказам его участников. История Холокоста также начиналась не с рассказов самих людей о пережитых ужасах, но с мощного молодежного движения за демократизацию общества в конце 1960-х, сделавшего голоса жертв войны слышимыми во всем мире (Ассман 2014).

В заключение добавлю, что книга Пери и без инициированного журналистами скандала стала бы заметным явлением в российской научной жизни. Поэтому я очень надеюсь на скорейший перевод ее на русский язык для того, чтобы как можно больше людей, интересующихся историей блокады и советской субъективностью, смогли оценить ее достоинства и непредрвзятость.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ассман, Алейда. 2014. *Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика*. М.: Новое литературное обозрение.
- Гинзбург, Лидия. 2011. *Проходящие характеры: Проза военных лет. Записки блокадного человека*. М.: Новое издательство.
- Звягинцева, Маргарита. 2016. «Блокадники возмущены публикацией об осажденном Ленинграде в журнале "The Guardian"». LIFE 78, 26 декабря. Просмотрено 20 ноября 2017 г. (https://life.ru/t/life78/952561/blokadniki_vozmushchienen_publikatsiiei_ob_osazhdionnom_leninghradie_v_zhurnalie_the_guardian).
- Крылова, Александра. 2017. «Блокадница Ирина Скрипачева – "Комсомолке": "Мы думали не только о еде"». *Комсомольская правда*, 25 января. Просмотрено 20 ноября 2017 г. (<http://kr.ru/daily/26635.4/3653602>).
- Сандомирская, Ирина. 2013. *Блокада в слове*. М.: Новое литературное обозрение.
- Хальбвас, Морис. 2007. *Социальные рамки памяти*. М.: Новое издательство.
- Хелльбек, Йохен. 2017. *Революция от первого лица: Дневники сталинской эпохи*. М.: Новое литературное обозрение.
- Эткинд, Александр. 2016. *Кривое горе. Память о непогребенных*. М.: Новое литературное обозрение.
- Яров, Сергей. 2011. *Блокадная этика. Представления о морали в Ленинграде в 1941–1942 гг.* СПб.: Нестор-История.
- Яров, Сергей. 2013. *Повседневная жизнь блокадного Ленинграда*. М.: Молодая гвардия.
- Alberge, Dalya. 2016. "Only Skeletons, Not People': Diaries Shed New Light on Siege of Leningrad." *Guardian*. 24 декабря. Просмотрено 20 ноября 2017 г. (<https://www.theguardian.com/world/2016/dec/24/siege-of-leningrad-diaries-only-skeletons-not-people-second-world-war>).
- Alexander, Jeffrey C. 2004. "On the Social Construction of Moral Universals: The 'Holocaust' from War Crime to Trauma Drama." Pp. 196–263 in *Cultural Trauma and Collective Identity*, edited by Jeffrey C. Alexander, Ron Eyerman, Bernhard Giesen, Neil J. Smelser, and Piotr Sztompka. Berkeley: University of California Press.
- Halpin, Igal, and Jochen Hellbeck. 1996. "Rethinking the Stalinist Subject: Stephen Kotkin's 'Magnetic Mountain' and the State of Soviet Historical Studies." *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 44(3):456–463.
- Hellbeck, Jochen. 2000. "Writing Self in the Time of Terror: Alexander Afinogenov's Diary of 1937." Pp. 69–93 in *Self and Story in Russian History*, edited by Laura Engelstein and Stephanie Sandler. Ithaca, NY: Cornell University Press.